

Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 2 (31). С. 33–40.

УДК 342

АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНЫЕ ИММУНИТЕТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

ADMINISTRATIVE TORT IMMUNITY IN POLICE ACTIVITY

Н. Н. ЦУКАНОВ, А. С. БАРАБАШ (N. N. TZUKANOV, A. S. BARABASH)

Рассматриваются правовое регулирование административно-деликтных иммунитетов отдельных должностных лиц, выполняющих определённые государственные функции (депутатов, судей, прокуроров и иных лиц), и проблемы их реализации в деятельности российской полиции.

Ключевые слова: административно-деликтный иммунитет, неприкосновенность, административно-юрисдикционная деятельность полиции.

The article discusses the legal regulation of administrative tort immunity of certain officials that perform specific public functions (deputies, judges, prosecutors and other persons), and problems in of their implementation of the Russian police.

Key words: administrative tort immunity, immunity, administrative and jurisdictional police activity.

В современной России правовые иммунитеты относятся к неоднозначно воспринимаемым категориям. С одной стороны, связанное с ними исключение из конституционного принципа равенства всех перед законом вызывает неприятие среди обывателей и в определённой степени дискредитирует правоприменителя. В то же время это исключение вынужденное, продиктованное важностью выполняемых соответствующими лицами функций, необходимостью их особой защиты от неправомерного воздействия путём необоснованного применения мер правового принуждения. Данный вывод так или иначе признаётся всеми современными исследователями и подтверждается зарубежным опытом [1].

Принято считать, что в Европе исторически сложились две модели института неприкосновенности: французско-бельгийская, согласно которой запрещается любое возбу-

ждение дела о преследовании депутата судом или администрацией без разрешения палаты, и немецкая, по которой воспрещается только лишение без разрешения палаты свободы депутата, а не возбуждение преследования [2]. Анализ опыта реализации российской полицией законодательства об административно-деликтных иммунитетах позволяет предположить, что в современной России сформировалась принципиально иная, не похожая на другие, модель института неприкосновенности. Её специфичность выражается в том, что иммунитет воспринимается сотрудниками полиции как понятие с неопределёнными юридическими контурами, которое, тем не менее, предопределяет почти абсолютную невозможность привлечения соответствующих лиц к административной ответственности и едва ли не полный запрет на применение к ним каких-либо мер административного принуждения. Причём основу этого эф-

фекта обеспечивают причины не нормативно-правового, а, скорее, культурно-политического характера. С формальной точки зрения об иммунитете в производстве по делам об административных правонарушениях приходится говорить как о категории:

а) условной, поскольку в абсолютном большинстве случаев закон предполагает усложнение процедуры привлечения лица к ответственности за допущенное им административное правонарушение, но не исключает её;

б) собирательной, так как о проявлениях иммунитета приходится говорить и в тех случаях, когда к ответственности привлекается военнослужащий, несовершеннолетнее лицо, инвалид и иные субъекты, прямо перечисленные в КоАП РФ. Особые трудности всегда были связаны с толкованием ч. 2 ст. 1.6 КоАП РФ, в которой говорится об особых условиях применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечении к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определённые государственные функции (депутатов, судей, прокуроров и иных лиц).

Нетрудно заметить, что нормативная основа административно-деликтных иммунитетов не отличается целостностью. Например, вопреки распространённому среди сотрудников полиции мнению, законодательство не устанавливает каких-либо особенностей порядка производства по делам об административных правонарушениях, совершённых высшими должностными лицами субъектов РФ. Согласно ст. 19 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» член Совета Федерации, депутат Государственной Думы обладают неприкосновенностью в течение всего срока своих полномочий. Закон устанавливает необходимость уведомления Генерального прокурора РФ о каждом случае возбуждения в отношении члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы дел об административных правонарушениях, но лишь при наличии двух условий:

Во-первых, когда соответствующей нормой предусматривается ответственность, налагаемая в судебном порядке.

Во-вторых, когда соответствующее правонарушение связано с осуществлением депутатской деятельности. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, иное (расширительное) понимание неприкосновенности «вело бы к искажению публично-правового характера парламентского иммунитета и его превращению в личную привилегию, что означало бы, с одной стороны, неправомерное изъятие из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19, часть 1), а с другой – нарушение конституционных прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью (ст. 52)» [3]. Если норма предусматривает наложение наказания в судебном порядке, допустимо осуществление производства вплоть до принятия решения о передаче дела в суд без согласия соответствующей палаты парламента. Соответствующее согласие требуется для передачи дела в суд.

В остальных случаях решение о привлечении члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы должно приниматься должностным лицом ОВД в общем порядке, предусмотренном гл. 29 КоАП РФ.

Закон устанавливает существенные ограничения на применение в отношении указанных субъектов отдельных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. По смыслу ст. 98 Конституции РФ при применении таких мер, как задержание, арест, личный досмотр, требуется представление Генерального прокурора РФ и согласие соответствующей палаты, независимо от того, имеет ли правонарушение отношение к депутатской деятельности или нет. Поскольку неприкосновенность парламентария распространяется на занимаемые им жилые и служебные помещения, используемые транспортные средства, средства связи, принадлежащие документы и багаж, эти же гарантии распространяются и на большинство иных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, например, на изъятие вещей и документов, досмотр транспортного средства, привод и т. п.

В то же время закон не запрещает применение к указанным лицам отстранения от управления транспортным средством соответствующего вида, освидетельствования на со-

стояние алкогольного опьянения, а также направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения. Здесь изменение порядка производства связано лишь с необходимостью сообщать о возбуждении соответствующего дела Генеральному прокурору РФ в тех случаях, когда санкция статьи предусматривает административную ответственность, налагаемую в судебном порядке. Следует учитывать, что во многих случаях условием для применения соответствующих мер обеспечения оказывается совершение правонарушений, дела о которых не отнесены к компетенции судей (например, ч. 1 ст. 12.3, ч. 2 ст. 12.5, ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ).

Похожие правила содержатся в ст. 12 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», согласно которой последний не может быть без согласия Государственной Думы привлечён к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, задержан, арестован, подвергнут личному досмотру, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других лиц. Неприкосновенность Уполномоченного по правам человека в РФ распространяется на его жилое и служебное помещения, багаж, личное и служебное транспортные средства, переписку, используемые им средства связи, а также на принадлежащие ему документы.

Согласно ч. 3 ст. 29 Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» не допускаются задержание, привод, личный досмотр руководителя следственного органа Следственного комитета и следователя, досмотр их вещей и используемых ими транспортных средств, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других лиц, а также случаев задержания при совершении преступления. Однако при этом также не устанавливаются ограничения на применение таких мер принуждения, как отстранение лица от управления транспортного средства, его освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, медицинское освидетельствование на состояние опьянения и т. д.

Первоначальная редакция Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» предусматривала для депутатов региональных парламентов такие же гарантии, какие в настоящий момент установлены законом для членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы. Однако Конституционный Суд Российской Федерации счёл подобное нормативное решение противоречащим Конституции РФ [4]. Было отмечено, что институт неприкосновенности является отступлением от конституционного принципа равенства перед законом и судом (ст. 19), закреплён непосредственно Конституцией РФ в отношении строго ограниченного круга лиц (ст. 91, 98 и 122) и, следовательно, не может быть распространён федеральным законом на других лиц, к которым, в частности, относятся и депутаты региональных парламентов.

Федеральным законом могут быть предусмотрены для депутата определённые личные гарантии, обусловленные его статусом. Законодатель мог бы установить определённое усложнение соответствующих процедур, с тем, чтобы обеспечить юридически целесообразную дифференциацию процессуальных механизмов в сфере административной ответственности. Например, в случаях привлечения депутата к административной ответственности в судебном порядке за действия, не связанные с исполнением им своих полномочий, можно было бы предусмотреть необходимость участия прокурора вышестоящего уровня в принятии решения и обязательность согласия суда на проведение соответствующих процессуальных действий. Кроме того, можно предусмотреть право законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ принимать решение о несогласии на привлечение депутата к административной ответственности, его арест и иные меры процессуального принуждения в ходе административного преследования в отношении действий, совершаемых при осуществлении депутатских полномочий, в случаях, если имеют место факты, подтверждающие, что такое преследование, по сути, предпринято с целью вос-

препятствовать осуществлению депутатом своих полномочий и повлиять на его деятельность [5].

Однако действующая редакция Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» не предусматривает подобных исключений из общего порядка производства по делам об административных правонарушениях. Указывается лишь, что депутат не может быть привлечён к административной ответственности за высказанное мнение, позицию, выраженную при голосовании, и другие действия, соответствующие статусу депутата, в том числе по истечении срока его полномочий, кроме случаев, предусмотренных законом. Кроме того, ч. 2 ст. 13 указанного закона содержит норму, информирующую правоприменителя о том, что в случае привлечения депутата к административной ответственности, его задержания, ареста, совершения иных административно-процессуальных действий применяется особый порядок производства по административным делам, установленный федеральными законами. При этом сам этот «особый порядок» действующим законодательством об административных правонарушениях не устанавливается.

Как уже указывалось, гарантии неприкосновенности, установленные для депутатов Государственной Думы, основаны на прямом предписании Конституции РФ и не могут распространяться на иные категории лиц по аналогии. Не может быть установлен особый порядок производства по делам об административных правонарушениях в отношении депутата регионального парламента и законами субъектов РФ, поскольку данный вопрос затрагивает принципы, основные положения и институты административного права и административной ответственности, т. е., по сути дела, относится к основам административного права, установленным действующим федеральным законодательством [6]. Причём это касается не только решения вопросов о назначении административного наказания, но и применения к указанным лицам мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях [7]. Поскольку основанием для прекращения

процессуальной деятельности по делу не может быть правовой пробел, привлечение такого лица к ответственности должно осуществляться в общем порядке производства. Иное означало бы полное исключение самой возможности привлечения депутата регионального парламента (в отличие, например, от судьи Конституционного Суда Российской Федерации) к административной ответственности.

Аналогичным образом в действующем законе решён вопрос о неприкосновенности депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления [8]. В контексте подобных рассуждений может возникнуть мысль о том, что буквальное толкование соответствующих нормативных предписаний сводит к минимуму само значение иммунитета в производстве по делам об административных правонарушениях. Однако, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая по аналогичному поводу Временное положение об обеспечении деятельности депутатов Калининградской областной Думы, «если Калининградская областная Дума полагала, что данный вопрос не урегулирован законом федерального уровня, она могла бы обратиться с соответствующей законодательной инициативой в Государственную Думу Федерального Собрания» [9].

Согласно Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» член избирательной комиссии с правом решающего голоса не может быть подвергнут административному наказанию, налагаемому в судебном порядке, без согласия прокурора субъекта РФ. Член Центральной избирательной комиссии РФ с правом решающего голоса, председатель избирательной комиссии субъекта РФ не могут быть подвергнуты административному наказанию, налагаемому в судебном порядке, без согласия Генерального прокурора РФ. Зарегистрированный кандидат не может быть подвергнут административному наказанию, налагаемому в судебном порядке, без согласия прокурора (соответственно уровню выборов). При даче соответствующего согласия прокурор обязан известить об этом из-

бирательную комиссию, зарегистрировав-шую кандидата.

В соответствии с ч. 6 ст. 42 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» кандидат не может быть подвергнут административному наказанию, налагаемому в судебном порядке, без согласия Генерального прокурора РФ. При даче такого согласия Генеральный прокурор РФ немедленно извещает об этом Центральную избирательную комиссию РФ.

Однако ни в одном из случаев ничего не говорится о невозможности применения к указанным лицам мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 12 февраля 2001 г. № 12-ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» Президент РФ, прекративший исполнение своих полномочий, не может быть привлечён к административной ответственности за деяния, совершённые им в период исполнения полномочий Президента РФ, а также задержан, арестован, подвергнут личному досмотру, если указанные действия осуществляются в ходе производства по делам, связанным с исполнением им полномочий Президента РФ. Учитывая предметную компетенцию органов внутренних дел и краткость сроков давности привлечения к административной ответственности, норма, с одной стороны, ориентирована на совершенно уникальные для полиции случаи, имеющие политическую подоплёку, с другой – подчёркивает возможность применения в общем порядке предусмотренных законом мер принуждения в случае совершения данным лицом административного правонарушения за пределами периода исполнения полномочий Президента РФ.

Наиболее действенные с формальной точки зрения гарантии неприкосновенности установлены ст. 16 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». Решение по вопросу о привлечении судьи к административной ответственности принимается судебной коллегией, соответствующей статусу судьи, в 10-дневный срок после поступления

представления Генерального прокурора РФ. Личный досмотр судьи не допускается, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом в целях обеспечения безопасности других людей.

В отличие от депутата Государственной Думы судья не может быть привлечён к административной ответственности в административном порядке, в отношении него коллегия судей не может выразить согласие на осуществление, например, административного задержания. Даже в случае реализации порядка, предусмотренного ч. 3 ст. 28.3 КоАП РФ, постановление о назначении наказания в конечном итоге подлежит отмене. Однако закон формально не обязывает правоохранительные органы сообщать Генеральному прокурору РФ о каждом случае возбуждения дела об административном правонарушении, если дело было прекращено на стадии возбуждения.

Неприкосновенность судьи включает в себя неприкосновенность личности, неприкосновенность занимаемых им жилых и служебных помещений, используемых им личных и служебных транспортных средств, принадлежащих ему документов, багажа и иного имущества, тайну переписки и иной корреспонденции (телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, других электрических и иных принимаемых и отправляемых судьей сообщений). Однако, как и в ситуации с депутатом Государственной Думы, отсутствует запрет на применение к судьям отстранения от управления транспортным средством соответствующего вида, освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, а также направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения.

Иными словами, действующие федеральные законы с формальной точки зрения предоставляют сотрудникам полиции инструментарий, в целом позволяющий эффективно реагировать на факты административных правонарушений, совершённых лицами, выполняющими определённые государственные функции. Исключения, пожалуй, связаны с Президентом РФ (ст. 91 Конституции РФ; хотя вряд ли это можно назвать пробелом) и, как ни странно, с прокурорами. Согласно ст. 42 Федерального закона от 17 ян-

варя 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» не допускаются задержание, привод, личный досмотр прокурора, досмотр его вещей и используемого им транспорта, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других лиц, а также задержания при совершении преступления. При этом любая проверка сообщения о факте правонарушения, совершённого прокурором или следователем, является исключительной компетенцией органов прокуратуры. Конечным результатом толкования этой весьма размытой нормы является убежденность представителей прокуратуры в невозможности применения к ним со стороны сотрудников полиции каких-либо мер принуждения, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (даже отстранение водителя от управления транспортным средством при наличии признаков правонарушения, предусмотренного ст. 12.8 КоАП РФ, рассматривается как элемент проверки).

Между тем говорить о благополучном разрешении вопросов, возникающих при выявлении полицией фактов совершения административных правонарушений лицами, выполняющими определённые государственные функции, явно не приходится. Сегодня сотрудники полиции стараются избегать ситуаций, требующих принятия решения о применении мер принуждения в отношении лиц, выполняющих определённые государственные функции. Ярким примером могут служить ситуации, возникающие при выявлении фактов совершения соответствующими лицами административных правонарушений, предусмотренных ст. 12.8 КоАП РФ. В подобных случаях сотрудники полиции сегодня вынуждены приглашать к месту конфликта руководителя соответствующей структуры или обращаться к правонарушителю с просьбой (предложением) пригласить другого водителя (доставить нарушителя домой) либо просто «не замечают» правонарушения. И с учётом сложившейся практики применения в отношении сотрудников полиции ст. 286 УК РФ этот результат является вполне закономерным. Стоит ли говорить о том, что всё это делается в ущерб, как мини-

мум, безопасности других участников дорожного движения.

Решению проблемы могло бы существенно способствовать совершенствование ведомственного законодательства. Однако Наставление о порядке исполнения обязанностей и реализации прав милиции в дежурной части органа внутренних дел Российской Федерации после доставления граждан [10] не содержит внятных указаний относительно того, какие действия следует предпринимать сотрудникам полиции, а ограничивается перечислением положений нормативных актов, запрещающих применение тех или иных мер принудительного воздействия к соответствующим лицам.

Ориентирован на преодоление отмеченных трудностей Административный регламент Министерства внутренних дел РФ исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения (далее – Административный регламент), поскольку формулирует алгоритм действий сотрудника полиции, а не перечень соответствующих ограничений. К сожалению, разработчиками был допущен ряд неточностей, и поставленная задача не была полностью решена. 31 декабря 2009 г. в Административный регламент были внесены изменения [11], во многом проявляющие причины и содержание рассматриваемой проблемы.

Особый интерес вызывает редакция ч. 2 п. 235 Административного регламента – «При наличии достаточных оснований полагать, что лица, указанные в абзаце первом настоящего пункта (судьи, прокурор, следователь. – *Н.Ц., А.Б.*), управляя транспортным средством, находятся в состоянии опьянения, сотрудник в целях обеспечения безопасности других лиц принимает меры к прекращению дальнейшего движения транспортного средства до предоставления для управления транспортным средством иного лица или другого устранения условий, препятствующих дальнейшему движению транспортного средства, о чём сообщает в дежурную часть для немедленного информирования органов прокуратуры».

Во-первых, действующее законодательство недвусмысленно формулирует требование обеспечивать безопасность дорожного движения, независимо от должности нарушителя [12]. Согласно ст. 27.12 КоАП РФ лицо, которое управляет транспортным средством соответствующего вида и в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что это лицо находится в состоянии опьянения, подлежит отстранению от управления транспортным средством до устранения причины отстранения. Непонятно, почему сотруднику полиции предписывается уклониться от выполнения этой обязанности?

Во-вторых, в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом. Остаётся только догадываться, каким федеральным законом будет в этом случае руководствоваться сотрудник полиции, применяющий «меры к прекращению дальнейшего движения транспортного средства» и не имеющий при этом возможности применить меры обеспечения, предусмотренные гл. 27 КоАП РФ, и полномочия, предусмотренные п. 21 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»? Каким образом будет решаться эта задача? И как сотрудник полиции в дальнейшем будет доказывать законность своих действий, если нарушитель уйдёт домой, а завтра обвинит сотрудника в необоснованности предъявленных им требований и превышении должностных полномочий?

Вызывает удивление то обстоятельство, что ведомственным актом МВД России устанавливается порядок, реализация которого почти наверняка повлечёт для сотрудника полиции, добросовестно среагировавшего на факт правонарушения, серьёзные неприятности. Очень жаль, что результатом вмешательства структуры, призванной надзирать за законностью, стало включение в текст Административного регламента заведомо незаконных положений, ориентированных исключительно на создание привилегированного положения собственных сотрудников.

В современной России в качестве безусловного ориентира рассматривается идея построения правового государства. В традиционном для россиянина понимании последнее

представляет собой государство, в котором гарантирована реализация предусмотренных законом прав, при этом обязанности и запреты в учёт, как правило, не принимаются. Соответственно, российский чиновник, политический деятель, представитель крупного бизнеса и т. п., рассуждая о правовом государстве, вовсе не имеют в виду отказ от тех привилегий, которыми они пользуются сегодня вопреки требованиям закона в силу особенностей своего социального статуса. Россия – не Швеция, где полиция может оштрафовать монарха за нарушение правил парковки, и не Великобритания, где действующий премьер-министр страны может быть оштрафован полицейскими за то, что въехал на служебном транспорте в центр столицы без соответствующей оплаты. Российский полицейский ежедневно слышит о принципе равенства перед законом, но всерьёз к нему никогда не относится.

Вряд ли с учётом подобного положения, в условиях фрагментарного нормативного регулирования гарантий неприкосновенности соответствующих лиц и слабой правовой защищённости самих сотрудников полиции имеет смысл рассчитывать на то, что внесение изменений в ведомственные нормативные акты позволит полноценно решить накопившиеся вопросы. Даже если это удастся сделать в сфере безопасности дорожного движения, проблема сохранится в иных сферах административно-юрисдикционной деятельности. И хотя юридические средства при подобных условиях не являются самодостаточными, решению этой задачи могло бы, хотя бы отчасти, способствовать прямое закрепление в тексте КоАП РФ отдельной главы, посвящённой особенностям производства по делам об административных правонарушениях, совершённых лицами, обладающими административно-деликтным иммунитетом.

1. См., например: *Коновалова Л. Г.* Иммунитет депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ // *Российский юридический журнал*. – 2010. – № 6. – С. 15–24; *Суменков С. Ю.* Правовой иммунитет как исключение из правил: историко-правовой аспект // *История государства и права*. – 2010. – № 12. – С. 41–43; *Поддубный А. О.* Административно-деликтные иммунитеты // *Журнал российского пра-*

- ва. – 2003. – № 6 ; Малько А. В., Суменков С. Ю. Правовой иммунитет: теоретические и практические аспекты // Журнал российского права. – 2002. – № 2 ; Кибальник А. Иммунитет как основание освобождения от уголовной ответственности // Российская юстиция. – 2000. – № 8 ; Руднев В. И. Иммунитеты от уголовного преследования // Журнал российского права. – 1998. – № 7 ; и т. д.
2. См.: Колесников Е. В., Пажетных Д. В. Актуальные вопросы парламентского иммунитета членов верхних палат парламента (на примере Российской Федерации, Франции, ФРГ). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
  3. По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 г. «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 1996 г. № 5-П.
  4. См.: По делу о проверке конституционности положений статей 13 и 14 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.П. Быкова, а также запросами Верховного Суда Российской Федерации и Законодательного Собрания Красноярского края : постановление Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2002 г. № 9-П.
  5. См.: Там же.
  6. См.: По делу о проверке конституционности статей 23 и 24 Временного положения об обеспечении деятельности депутатов Калининградской областной Думы, утвержденного постановлением Калининградской областной Думы от 8 июля 1994 г. : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 16-П ; По запросу Воронежской областной Думы о проверке конституционности статей 19 и 20 Закона Воронежской области «О статусе депутата Воронежской Областной Думы» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 1998 г. № 96-О ; По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (основного закона) Тамбовской области : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 1997 г. № 19-П.
  7. Вопрос о гарантиях неприкосновенности депутата законодательного органа субъекта Российской Федерации неоднократно становился предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации (см., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2002 г. № 9-П ; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 16-П ; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 1998 г. № 96-О ; Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Государственного Совета Республики Коми о проверке конституционности статей 37 и 39 Закона СССР «О статусе народных депутатов в СССР» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 января 1998 г. № 3-О; и т. д.), однако ни в одном из решений Конституционный Суд Российской Федерации не констатировал наличие запрета на применение в отношении соответствующих субъектов задержания, личного досмотра и т. п.
  8. См.: ч. 8, 9 ст. 40 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
  9. По делу о проверке конституционности статей 23 и 24 Временного положения об обеспечении деятельности депутатов Калининградской областной Думы, утвержденного постановлением Калининградской областной Думы от 8 июля 1994 г. : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 16-П.
  10. Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав милиции в дежурной части органа внутренних дел Российской Федерации после доставления граждан: приказ МВД России от 1 апреля 2009 г. № 248.
  11. См.: О внесении изменений в Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения, утвержденный приказом МВД России от 2 марта 2009 г. № 185 : приказ МВД России от 31 декабря 2009 г. № 1023.
  12. См.: О безопасности дорожного движения : Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ.